
ВЫБИРАЯ ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

Елена Хисамова
(г. Москва)

КРЕСТ

Лиза была замужем второй раз. Первый брак получился детским и несерьезным, однако, оставил ей очень серьезную дочь Варвару. Она и не думала о второй попытке. Жила, припеваючи, сама себе «и швец, и жнец, и на дуде игрец». От кавалеров отбоя не было. Только все они ненадежные, мотыльки — однодневки, крыльями побили, к ночи глянешь — нет ни одного.

Зато друг у нее появился, парнишка молодой. Армию отслужить успел, только демобилизовался, к ним в цех пришел работать. Они с Лизой сильно подружились. Делились своими проблемами. О личном поболтать не стеснялись. Да и если помощь какая по дому нужна была, Лизка всегда могла на него рассчитывать. Только не рассчитывала, что мужем он ее станет.

Лизка и не думала: любовь это или нет. Любовь, вон она первая ее, пьяная все время болтается, и алименты платить не спешит. Другого уже хотелось, надежности и родства душ. А с ним, своим другом бывшим, а теперь мужем настоящим, она именно это и чувствовала.

Конечно, разница в возрасте точила червяком червоточины в Лизкиной душе. Шесть лет — это вам не год и не два. Но муж смеялся и говорил, что красивее и желаннее ее на всем белом свете нет. Лиза на время успокаивалась, но потом все — равно червячок сомнения поднимал свою голову.

Лиза никогда не думала о себе, что красива. Она себя и привлекательной-то с трудом бы назвала. С раннего возраста Лизавета Шмелева являла собой сборище всевозможных комплексов и сомнений. В школе она была самая полная из девчонок, да вдобавок к этому носила на своем круглом лице большие очки в толстой роговой оправе. От постоянного волнения и желания выглядеть как можно лучше Лиза сильно потела, и к концу недели на ненавистном коричневом школьном платье под мышками белели просоленные следы. Мальчики в классе никогда не звали ее в кино или просто прогуляться по улице. Зато обожали дергать за длинные косы, лупить портфелем по спине и дразнить «жиртрестом» и «жужелицей». Косы, кстати свои, Лизка тоже ненавидела, потому что сама расчесывать их по утрам ленилась, пригладит расческой сверху, заплетет кое-как и бегом в школу. К концу недели на голове образовывались непролазные дебри из колтунов, которые мать, после субботнего мытья волос, безжалостно драла расческой да не одной. Зубья дешевых пластмассовых из-

делий не могли пробить себе дорогу в лабиринте непрочесанной гривы. Лизка верещала, но мать неумолимо раздирала колтуны, и затрещины отпускала, чтоб впредь следила лучше. Затрещины помогали плохо, все повторялось неделя за неделей, пока мать не согласилась наконец-то отвести ее в парикмахерскую. В те годы была жутко модной прическа «под Мирей Матье», которая, к слову, Лизке очень шла. Когда она утром вошла в класс, ее сначала даже не узнали. А Петька Мухин, вытиравший доску, замер с открытым ртом. «Отомри!» — гордо бросила ему Лизвета и проплыла к своей парте. С этого дня неуволимо изменилось не только отношение к ней в классе, но и сама Лизка. Она стала худеть. Есть иногда хотелось до чертиков в глазах. Но она подходила к зеркалу и шипела на себя, сжав кулаки, так, что ногти впивались в ладони: «Жиртрест, жужелица». Это действовало эффективно. А еще был обруч, ну, хулахуп, сделанный отцом на заводе из алюминиевой трубы и утяжеленный внутри. Она крутила его по часу без перерыва, и когда мать случайно вошла в комнату, где Лизвета переодевалась, и увидела переливающиеся всеми цветами радуги синяки на ее талии и бедрах, он был отнесен на помойку, а Лизка выдраила всю квартиру до блеска и перегладила кучу белья. «Дурища! — орала мать. — Худеет она! Ты на кости свои посмотри, тоже мне аристократка. Лошадью родилась, лошадью и скакать по жизни будешь!» Но Лизка была упряма, как ослица, и к окончанию школы стала, если и не трепетной ланью, но и не «лошадью» точно. Она самая первая в классе вышла замуж, почти сразу после выпускного. И через несколько месяцев родила Варвару. Но брак этот оказался недолгим.

Бабушка Лизветы, часто говорила ей, доведенной до отчаянья выходками ее вечно пьяного первого мужа: «Эх, девка, ну, знать, не зря народ в приметы верит. Говорят, зря не скажут». Лизка только отмахивалась: «Отстань, ба, и так тошно, ты еще тут со своей ерундой, ба!» «Ба-ба, жаба! Говорю тебе, Фома ты неверующая, плохая это примета!» «Ну и чего я теперь-то сделать смогу, в церковь его не отнесешь, спасибо дядюшке уроду и самодуру!»

Дело в том, что когда Лизе было девять лет, она нашла большой серебряный крест. В то лето в их старом деревенском доме, доставшимся им по наследству совместно с родственниками, которых Лизка терпеть не могла (они все казались ей отвратительными толстыми жабами, а дядька и вовсе выглядел, как злой колдун из сказки), сделали ремонт.

Дом был сложен из красного кирпича, и стены его составляли около метра в ширину. Бабушка рассказывала, его уже лет двести, как построили, а цемент для кладки на яйцах куриных сделан был, для особой прочности. Внутренние половые и потолочные перекрытия давно к тому времени прогнили, и жить в доме становилось опасно. В одну из комнат просто не заходили, потому что в полу зиял провал вниз, в глубокий подпол. Лизка даже мимо проходила на цыпочках и, задерживая дыхание, но иногда робко заглядывала в дверной проем и смотрела на закопченные от лампад старые иконы, в большом количестве висевшие в углу. «Бабушка, им там грустно. Почему вы их не достанете? Отвезем их домой, там и повесим!» «Эх, Лизонька! — Вздыхала бабушка. — Не буди лихо, пока оно тихо. Ты мала еще, вот и помалкивай. А то услышат, заклюют». «Жабы не умеют клеваться». — Думала Лизка, все сильнее проникаясь ненавистью к навязанным дальним родством людям, делившим с ними деревенский дом.

Во время ремонта все внутри дома сломали, положили новые полы и потолок. Старые прогнившие доски и мусор в огромном количестве еще долгое время лежали под окнами дома, и Лиза, которую привезли на летние каникулы, обожала лазить по этим доскам и перебирать мусор. Бабушка пеняла ей, называла «курицей», но Лизка с непонятным ей самой упорством рылась в куче мусора, ее словно магнитом тянуло к ней. Казалось, весь мусор был изучен вдоль и поперек, но он откуда-то взялся там,

этот крест. Луч солнца, вышедшего из-за тучи, упал на кучу мусора, и внезапно что-то сверкнуло в ней. В тот день гремело с самого раннего утра. Гроза осторожной большой кошкой кружила вокруг деревни, изредка порывивая перекатами грома. Лизка до одури боялась грозы, гуляла возле дома, готовая в каждое мгновение при увеличивающейся природной стихии сорваться с улицы, и броситься в спасительную тишину огромной кладовой. (Кладовая представляла собой большое полностью, кроме пола, кирпичное помещение в доме, с железной, запирающейся на огромный запор, дверью, крохотным оконцем-бойницей, с фигурной решеткой на нем и железной же дверкой-ставенкой. Она в давние времена служила подобием некоего холодильника, в ней на крюках висели туши, забитых на еду животных, и хранились другие продукты.) Как только Лизка увидела вспышку света у кучи, первое, о чем она подумала: «Шаровая!» — и замерла. Она твердо знала, что при встрече с шаровой молнией надо не шевелиться. Про шаровые молнии бабушка рассказывала ей множество страшных историй. Грозы вообще вызывали у бабушки священный трепет, она считала их проявлением божьей силы и гнева на земле, и каждый раз истово крестилась при вспышке молнии и раскатах грома. И вера эта была подкреплена ее собственным опытом. Однажды, будучи еще совсем девчонкой, они со старшей сестрой Матреной своровали полмешка гороха. Времена тогда были очень голодные. Бежали они домой полем радостные, мечтая о каше гороховой, что им мать наварит. Но неожиданно тучи налетели, началась гроза, и дождь полил, как будто ушат опрокинули с небес на землю. В поле дуб одинокий стоял, откуда он там взялся, никто не знал. Может специально кто желудь в землю воткнул, а может зверушка какая-нибудь обронила свою добычу. Вот девочки под дубом тем от дождя и спрятались. Все вокруг черно стало, небо тучами заволочло, и вдруг, о чудо, между тучами просвет появился, все шире, шире, сияющий небывалой голубиной. И девочки увидели... БОГА. Они завороченно пошли вперед. Навстречу видению, позабыв про украденный мешок, оставленный под деревом. И в тот же миг раздался страшный грохот, и молния ударила прямо в дуб, из-под которого только отошли дети. Мешок с горохом, вспыхнул, трава, и сам дуб тоже горели, с треском разбрасывая искры. А видение тут же исчезло. Поэтому во время грозы бабушка неизменно начинала: «Отче наш! Иже еси на небеси, да светится имя твое, да придет царствие твое...» Лиза с детства запомнила молитву «Отче наш» и всегда в трудные минуты или в отчаянии повторяла и повторяла слова про себя, словно мантру кришнаит, перебирая ее в уме, как перебирает четки мусульманин. И боль отступала, отчаянье отпускало, и приходила надежда. Так и тогда, Лизка замерла и про себя начала проговаривать спасительные слова, но ничего не трещало, не искрило, и детское любопытство пересилило испуг. Еле переставляя, словно ставшие ватными ноги, Лизка приблизилась к злосчастной куче и увидела, что из трухи и старых газет виднеется полоска серебристого цвета. «Может фольга от шоколадки?» — Подумала Лизвета, и, подцепив пальцами неизвестный предмет, потянула его на себя. Он был слишком объемным и тяжелым для фольги. Труха, покрывающая его начала осыпаться, и Лизка вытащила, наконец, большой серебряный старинный крест, с изображением распятого Христа на нем. Она опростельно бросилась показывать его бабушке. На крыльце ей преградил дорогу ее дядюшка (один из семейства жабьих), крепко схватил Лизку за руку и, выкручивая ее, свистящим от злости голосом поинтересовался, куда это она летит, как на пожар. Лиза, пытаясь вырвать руку, в испуге заорала: «Ба!!!!» Бабушка выскочила на крыльцо, и старый садист тут же отпустил девочку. «Ну что случилось, что голосишь?» — Спросила бабушка Лизу, а старый хрыч тем временем покурился папироску, отвернувшись от них, словно его никак это не касалось. Лизка молча, со слезами на глазах протянула бабушке крест. Та охнула протяжно, а дядька коршуном развернулся к ним, и алчно заблестевшими глазами уставился на крест. Он даже про папиросу свою забыл, она

так и дотлела во время этой немой сцены меж его пальцев, пока не обожгла. Он чертыхнулся, отшвырнул окурочек и вкрадчиво издали завел: «Ай-ай-ай, где ты, деточка взяла его? Нашла? Как нехорошо! Симка! — обратился он, к молча стоявшей бабушке. — Ты-то чего молчишь? Знаешь ведь, что хорошего-то мало. Надо его в церковь отнести, священнику отдать. Давай его сюда, я сам отнесу». Он протянул свою руку, похожую на лапу хищной птицы, к Лизке. Она вопросительно взглянула на бабушку, и та кивнула ей. Дядька выхватил крест у нее из руки и пошел в дом, урча себе под нос, словно от удовольствия. Бабушка стояла, понутив голову, и руки ее висели плетями вдоль тела. «Ой, горе, девка, горе», — прошептала она, повернулась и тоже вошла в сени.

В тот год умер дедушка. Это случилось на самое седьмое ноября. Лизка так ждала этого дня, потому что отец в первый раз пообещал взять ее на ноябрьскую демонстрацию. Она представляла, как будет держать в одной руке разноцветные шары, а в другой красный флажок и махать им, проезжая на заводском грузовике, везущем огромные транспаранты, мимо людей, стоящих на Красной площади. И люди будут улыбаться и махать в ответ, и кричать «ура-а-а-а-!!!»

«А-а-а-а-а!!!», — с этим и проснулась Лизка в то утро. Выли бабушка и мама. Дед, до этого ни на что не жаловавшийся, рано утром пошел в туалет, присел на стульчак, закурил папироску и... умер. С тех пор седьмое ноября стало днем помин. А на демонстрацию Лизка так никогда и не сходила.

Потому что начал сильно пить отец. Скандалы в семье не затихали ни на день. У пьяного отца были две стороны: сначала он всех любил, а потом с такой же силой ненавидел. В состоянии его агрессии, лучше было не попадаться ему на глаза, чтоб не нарваться на подзатыльники или порку. Он мог ударить или толкнуть бабушку и мать, разбить со злостью тарелку с супом об стену кухни, если ему только показалось, что ее поставили перед ним без должного почтения. Короче жизнь в доме напоминала неспящий вулкан, в любой момент готовый к извержению.

А еще Лизка стала терять зрение. Мать, занятая своей бурной семейной жизнью не сразу заметила это. Головные боли у Лизаветы стали настолько часты и ужасны, что порой девочке казалось, что временами сознание ее ускользало, мир скрывался в темноте, но даже там, за гранью не было спасения от грызущего мозг внутри ее маленького черепа монстра, властелина боли. Когда ее, наконец, отвели к врачу-окулисту, и ей были выписаны очки с большими диоптриями, боль была изгнана из ее головы. Но зрение продолжало ухудшаться. Она не занималась физкультурой в школе, что давало лишний повод для насмешек одноклассникам, не сдавала экзаменов, что опять же вызывало их зависть и злобу. А еще эти дурацкие очки шли ей, ну, как корове седло. О линзах в те времена и «слыхом не слыхивали, и видом не видывали». И во время родов чуть Варьку не потеряла, в приемном покое, какая-то акушерка-разиня прозевала, что Лизка с миопией высокой степени поступила, кесарево делать поздно уже было, хорошо врач, который щипцы умеет накладывать, недалеко от роддома жил. Среди ночи за ним санитарку послали, и это счастье, что тот дома ночевал. Но все печальные события своей жизни, потери, промахи и неудачи Лизка с находкой своего детства не связывала. Все так живут, ни у кого гладко не бывает. Разве что везунчики, где по миру и ходят, но их раз, два и обчелся. Жизнь, как жизнь, не лучше и не хуже, чем у других. Только бабушка, жившая до самой своей смерти вместе с Лизой, все тот крест вспоминала, а Лизка отмахивалась, не верила она во всю эту суеверную чепуху.

Перед своим вторым замужеством Лизавета расцвела. Она стала настолько яркой и броской молодой женщиной, что многие добивались ее расположения. Но, как уже было сказано, она неожиданно для всех, да и для себя тоже, вышла замуж за своего молодого приятеля и через год родила чудесную девочку, Кристину, Кристю, так они

звали ее дома. И... стала сумасшедшей мамашей. Она видела только малышку, не отпускала от себя ребенка ни на минуту, даже ночью брала дочку в постель. Она прислушивалась, как ребенок дышит во сне. И заснуть могла, только держа дочку за крошечную ручку. Она даже и подумать не могла, что одержимость дочерью может не нравиться ее молодому супругу. Какое то время они так и спали втроем, а после смерти бабушки, когда прошли положенные полгода, он перешел в пустую комнату. И они стали отдаляться друг от друга. Лизке иногда казалось, что он даже разговаривает с ней через силу, сквозь зубы цедит слова, холодные и отстраненные. Но подумать, что он предал ее, обманывает, она не могла. Даже в голове не держала. Ну, мало ли почему у человека плохое настроение? На работе устает, не высыпается... И, когда знакомая, с которой они вместе гуляли с детьми, увидела его, такого молодого и красивого, с отличной подтянутой фигурой, наглаженного и ухоженного, спросила: «Не боишься, что уведут?», Лизка только посмеялась. А зря. Гром грянул очень скоро. Все началось с банальной смс. Лиза никогда не проверяла телефон своего мужа, не лазила у него по карманам. Она доверяла ему, как себе. Та ночная смс разбила ее мир вдребезги, переломала все, что было нерушимым в их семейной жизни. Многие знания, многие беды. Потом Лизка не раз задавала себе вопрос: «Как бы было, если бы она не открыла призывно мигающий телефон, пока он спал? Если бы не прочла? Если бы смогла сдержаться и промолчать?» Если бы... «Если бы да кабы...» — любила говорить бабушка. Чего гадать, когда Лизка теперь точно знала: у ее мужа есть другая женщина, молоденькая девчонка, ровесница ее Варьки, и это было еще страшнее. Глядя на себя в зеркало, она видела уставшую расплывшуюся бабищу, с тусклыми, неухоженными волосами, погасшими глазами, неопределенного возраста после сорока. Где уж ей тягаться с хрупкой и эфемерной молодостью. Он сказал, что уходит. Что та — любовь всей его жизни. Лизка не понимала: это с ней происходит, или сон такой ужасный ей снится? Почему она тогда никак не просыпается? Девчонки, еще недавно так обожаемые им дочки (Варя его тоже отцом звала) ревели в голос, выдергивали у него вещи из рук. Но он с пустыми и мертвыми глазами и отсутствующим лицом продолжал заталкивать по сумкам свои пожитки.

Он ушел. В свою новую жизнь и любовь. Мир ее, такой прочный и понятный, рухнул в одночасье. И Лиза не знала, что ей теперь делать среди одних обломков. Он же говорил, что красивее и желаннее ее никогда никого не будет. Он вставал чуть свет по праздникам и в День ее рождения и бежал за цветами, чтоб положить их ей, еще сонной, в кровать. Он плакал от счастья, когда родилась Кристя, и впервые напился на радостях. Он... он был все для нее и девчонок: защита, надежда, опора. Что произошло с ним? Может, он с ума сошел? Может, это шутка, и он никуда и не ушел, а сейчас вернется, закружит по дому ее и девчонок в бесшабашном и веселом танце и скажет, что просто проверял, как им нужен. «Господи, это я с ума сошла, кто же так шутит. Он ушел, ушел! Он бросил нас ради этой сучки! Будь ты проклята! Ненавижу!» — думала Лиза, в бессильной злобе, кусая губы и орошая ночами подушку слезами, чтоб только не видели дочки. Она почти перестала спать. Мысли металась в голове, стучали отбойными молотками: «Вернуть его, любой ценой. Надо поговорить, объяснить, что мы не можем без него, мы пропадем, мамочки, что же делать, я не могу без него. Я просто не могу-у-у-у» И так по кругу, без конца. Она, как робот, ходила на работу, лишь бы отсидеть положенное время. Ей было тяжело разговаривать с людьми, они отвлекали ее от бесконечного монолога, который она вела в своем воображении с мужем. Он не звонил, не интересовался, как они живут. Ему, наверное, было хорошо в его новой жизни.

На работе сослуживцы утро начинали обычно с чтения газет. Лизу совершенно не интересовали события, происходящие в мире. Все замкнулось на ее личной трагедии, и куда катится этот мир, ей было абсолютно наплевать. И как эта бульварная

газетка оказалась у нее в руках, трудно сказать. В глаза ей сразу бросилось: «Верну мужа! Отворот, снятие порчи, приворот навсегда. Быстро и эффективно». «Навсегда. Быстро и эффективно», — прошептала Лиза, и пошла звонить. Вежливый безликий голос ответил ей, что ясновидящая очень занята, но сможет принять ее на следующей неделе. Только с собой надо не забыть привезти фотографии и деньги. «Много?» — дрожащим голосом спросила Лиза. Названная сумма повергла ее в ужас. Она была равна месячной зарплате. Но разве есть цена счастью? «Да черт с ними, с деньгами. Перезайму, как-нибудь выкручусь, лишь бы помогло», — уговаривала сама себя Лизавета всю ту неделю до посещения ясновидящей, казавшуюся ей бесконечной. В день, назначенный ей, она приехала по указанному адресу на полтора часа раньше времени, и слонялась по улице из конца в конец, куря одну сигарету за другой. Было страшно. Она не знала почему, но страх держал за сердце своими холодными пальцами.

Ясновидящая поразила ее воображение. Она рассказала все про Лизу и ее отношения с мужем. И про молоденькую соперницу. И про то, что с детства на Лизу порчу наложили. Но она может ей помочь. Просто порчу с Лизы снимет и на молоденькую похитительницу мужей переложит. И будет у Лизы все в шоколаде, совет да любовь. Только условия, которые она Лизавете даст, обязательно выполнить надо, а нарушишь что или недоделаешь, не случится чуда.

Лизка со всем согласна была. Лишь бы любимого мужа вернуть. Как замороженная, она взяла из рук ясновидящей бумагу, воском запечатанную. «Дома откроешь, прочтешь, чтоб не видел никто. И не показывай никому».

Лиза домой окрыленная летела. «Будет знать, гадина, как мужей чужих уводить. Я отмучилась свое, твой черед пришел, воровка бессердечная», — стучало в голове у Лизаветы. «За зло только злом и наказывать. Поделом ты получишь. И мне тебя не жаль будет нисколько. Ненавижу. Убила бы. Убила?» — задумалась Лизка. И первое сомнение закралось в ее пылающую праведным гневом душу. «Нет, никого бы я убить не смогла. А боль причинить? Она же девчонка еще, сопливая совсем. Да, с мужем моим в постели кувыркаться взрослая, а отвечать за это — девчонка? А как же мои девочки, с сердцем разбитым? Наказать мерзавку!» Но сомнения уже пустили свои корни в Лизкином сознании.

Она прилежно читала какое то заклинание каждое утро и каждый вечер в течение недели, постоянно перед началом сверяясь с часами, чтоб не опоздать ни на секунду. И обязательно в открытое настезь окно. И искала, звонила, расспрашивала. Одним из условий было поставить свечи в один день к тринадцати иконам. Лиза до этого и предположить не могла, что в Москве более четырехсот храмов, соборов, монастырей и часовен. Разве обойдешь их за день? Их и за полгода не обойти, не объехать. Лиза была в отчаянии. Да и служители божьи, услышав вопрос Лизы об определенной иконе, сразу понимали, в чем дело. Заводили разговор о грехе, о молитве. Лизавета злилась, бросала трубку и набирала следующий номер. К назначенному дню она знала, где есть все иконы, кроме одной. Чудотворной иконы Никейской Богоматери. Раньше Лизавета и подумать не могла, что число чудотворных икон Матери Божией более трехсот шестидесяти. А одна старушка по телефону ей вот что сказала: «Икон Богородицы, что звезд на небе. Подойди к любой, дочка, попроси о милости и заступничестве. Не грехи. Лукавый тебя искушает. Ищи веру в себе».

Ох и крутило Лизку, и корежило. Отчаянье, злоба, бессилие и сомнение. Обошла она в тот день церкви, свечи всем иконам, кроме одной поставила. А вечером позвонила ясновидящей, и велено ей было опять с деньгами прийти, раз задание не выполнила.

Ночью Лизке приснился странный сон, даже можно сказать страшный. Словно опять она маленькая девочка, стоит и смотрит в проем дверной той самой комнаты, где иконы на стенах висели, в доме их деревенском. Только икона там одна теперь, та

самая, которую Лиза не смогла найти ни в одной из церквей города. Богородица смотрела на нее скорбно и требовательно, и вдруг Лизавета услышала голос. Нежный и любящий, он говорил ей: «Отпусти его, Лизонька, отпусти. Время все рассудит и расставит на свои места. Не впускай в душу зла, отпусти». И вдруг из темноты, с другой стороны появляется дядька ее, покойный уже давным-давно и протягивает ей на руке тот самый крест, что в куче мусора Лизка в свои девять лет нашла. И шипит по-змеиному: «Отдай его, девка, сопернице своей, и будет тебе счастье великое». И язык змеиный изо рта его виднеется. Все ближе и ближе рука его, да и не рука вовсе, а лапа когтистая с крестом к Лизке подбирается. А глаза красным огнем горят, завораживают. Голос Богородицы все тише и тише звучит, а змеиное шипение усиливается. Рука Лизаветы, словно против воли ее поднимается за крестом, вот почти вяла его. Но в последнюю секунду она резко бьет по безобразной лапе с криком: «Нет!». Крест выбит и летит напрямик в пролом в полу, что ведет в подпол. Только из пролома того отблески огня вырываются. Дядька с шипением исчезает. «Преисподняя», — думает Лизка и просыпается вся в поту, с бешено галопирующим сердцем.

Для себя она все уже решила. Прошлепав босиком на кухню, она закурила сигарету и сожгла в пепельнице все бумажки, что давала ей ясновидящая, пепел развеяла в окно. Хватанула сто грамм коньячка и пошла досыпать. «Утром в церковь пойду», — подумала Лиза и провалилась в сон.

Через полгода муж вернулся. И глаза его были опять живыми и родными, а голос прежний и ласковый. И опять он говорил, что она самая красивая и желанная женщина на свете, и бегал за цветами на праздники и в День ее рождения по утрам, чтобы положить их на кровать, пока она еще сонная.

Станислав Минин
(г. Москва)

ДЕТСКИЕ СТРАШИЛКИ

Родился в Калининске Саратовской области в 1989 году. Литературой стал увлекаться с 6 лет. В то время я писал небольшие рассказы, очерки и стихи. В 14 лет написал свой первый роман, в котором раскрывалась проблема человеческой двуличности. Ранее печатался в газете Калининского района «Народная трибуна», а также журналах «Подорожник», «Литературный Башкортостан». На сегодняшний момент проживаю в г. Москве, учусь на юридическом факультете, работаю по профессии и продолжаю заниматься литературным творчеством.

Люблю читать русскую и зарубежную классику.

Когда я был ребенком, каждое лето мама отправляла меня в детский лагерь. Только это был не обычный лагерь, а, скорее, лечебный санаторий. У меня был хронический пиелонефрит, и в санатории я проходил лечебные процедуры. Мне нравилось отдыхать в лагерях и санаториях. Там я встречал новых знакомых и заводил новых друзей. Свою последнюю поездку в лагерь я помню, как свои пять пальцев, и, наверное, никогда не забуду — так она врезалась мне в память, хотя на момент произошедшего мне было всего 8 лет. Я решил записать произошедшую историю и, надеюсь, ничего не упустил.

Я полагаю, начать рассказ стоит с краткого описания самого лагеря. Лагерь, в который обычно отправляла меня мама, находился не так далеко от нашего городка. Километров 400—500 в трясущемся автобусе — и ты на месте. Он назывался «Синяя птица». Это было кирпичное четырехэтажное здание в виде лежащей буквы «Г». На центральных воротах висел потрепавшийся (или, как принято говорить, поVIDавший вид) бумажный плакат с соответствующей надписью «Добро пожаловать в санаторий «Синяя птица!»» И внизу, под надписью, была нарисована как символ лагеря парящая в небе птица синего цвета, почему-то с короной на голове. Я не знаю, у кого была такая «парящая», как сама птица, фантазия, однако, сколько бы я ни приезжал в лагерь, этот плакат всегда висел на главном входе. Во дворе лагеря был парк со множеством аллеек, окруженных цветочными клумбами, скамеек и фонтаном в самом центре. В этом парке мы проводили много времени, занимаясь зарядкой по утрам, гуляя, участвуя в различных соревнованиях, проводившихся между отрядами. Парк был окружен высоким забором со стальными прутьями, отделявшим его от леса.

Как я уже сказал, здание санатория было четырехэтажным. На первом этаже находились столовая, спортивный зал с баскетбольной площадкой, бассейн и актовый зал, где проводились концерты и, иногда, дискотеки. Второй этаж предназначался для первого отряда, а именно для детей с заболеваниями почек. Там было 12 (если я не ошибаюсь) трехместных комнат, плюс одна комната для вожатых и просторный

зал для развлечений и игр детей. На третьем этаже располагался второй отряд — ребята с сердечными заболеваниями. А на четвертом, соответственно, жил третий отряд. Это были дети с различными степенями язвы. Я со своим пиелонефритом размещался на втором этаже. Возрастной ценз детей нашего лагеря колебался в пределах 6—14 лет. Для каждого ребенка составлялись индивидуальный план необходимых для лечения процедур и расписание приема таблеток.

К санаторию примыкала небольшая деревушка, однако вожатые запрещали нам дружить со здешними ребятами. Поскольку контингент наших отрядов состоял из детей с различными заболеваниями, вожатые боялись, как бы кто из нас не занес в стены лагеря какую-либо заразу после общения с местными. Однако некоторые из нас нередко нарушали это правило... естественно, втайне от администрации. Мы называли деревенских ребят «крестами», не знаю почему, но так повелось.

Недалеко от деревни находилось просторное кладбище, раскинувшееся на пригорке. Чтобы туда попасть из нашего лагеря, нужно было пройти лес напрямую от здания санатория, никуда не сворачивая, а затем подняться на пригорок по петляющей тропинке. Его было видно невооруженным взглядом с четвертого этажа нашего помещения. Издалека оно напоминало город, выросший в лесу. Кладбище было окольцовано синей покосившейся оградой, которая, как вечный старожил, будто охраняла его от какого-либо воздействия внешнего мира.

Я не зря заговорил о кладбище. Оно еще найдет свое место в начавшемся повествовании.

Но пока вернемся к лагерю. Основным нашим вожатым была Евгения Владимировна. Крупная девушка лет 17-ти с копной рыжих волос, всегда забранных в хвост. Ее кожа была бледной, как мел, и полностью была покрыта веснушками, за что мы и прозвали ее «Поганкой». Она была «местной», поэтому часто дежурила по ночам. На самом деле она была очень доброй и лояльно относилась ко всем детям, даже иногда разрешала нам собираться по ночам в чьей-либо комнате, чтобы при выключенном свете рассказывать страшные истории.

В одну из таких ночей мы собрались в нашей комнате и, потушив свет, стали рассказывать страшные истории, уверяя друг друга, что это было на самом деле. За исключением меня в комнате еще находились Наташка, Светка, Андрей из отряда «сердечников», Ванька «крест», Серега и Леха, жившие в моей комнате. Наташка захватила с собой свечу, так что в полной темноте мы не сидели. Однако тусклый свет свечи придавал еще большую таинственность нашему собранию. Я открыл окно, чтобы свежий воздух проходил в комнату. Закончив все приготовления, мы сели на пол полукругом, а свечу поставили в центр, чтобы видеть лицо каждого из нас. Сперва мы раскидали пару партий «дурака», так сказать, для снятия напряжения, а потом приступили к тому, за чем, собственно, и собрались. Первым рассказывать стал Андрей.

— Знаете такую историю? — начал Андрей. Он сидел, поджав ноги под себя, живые глаза бегло осматривали присутствующих. Голос его был довольно низким для восьми лет.— Парень и девушка очень любили друг друга. И не было бы конца их счастью, если бы его не призвали в армию. Отслужив два года, он вернулся. На перроне его встречала все та же девушка. К такому случаю она одела красивое белое платье. Они тут же пошли в ресторан, поскольку не виделись долгое время, а тем для разговоров было много. В ресторане они пили красное вино, и девушка все время как-то странно улыбалась, искоса поглядывая на парня. Внезапно она пролила вино на свое белое платье, так что на подоле остался красный след, похожий на кровь. «Подожди меня здесь»,— сказала она и убежала. Парень стал ждать, а она все не приходила. К вечеру он решил пойти к ней домой и узнать, что случилось. Дверь отворила ее мать и со слезами на глазах сообщила, что ее дочь умерла около года назад. Парень никак не мог поверить ей. Чтобы убедить его в правдивости своих слов, мать

показала ему могилу девушки. Раскопав могилу, они увидели лежащую там девушку, одетую в красивое белое платье... а на платье было расплывшееся красное пятно.

— Я знаю другую историю,— сказал Серега.— Этот случай произошел 31 декабря. Одна семья готовилась к встрече Нового года. Отец гладил уютным костюмом, мать резала салаты, а маленький сынишка вертелся под ногами и просил поиграть с ним. Внезапно из рук матери выскользнул нож и попал в мальчика, который скончался на месте. Мать стала кричать от увиденного. На ее крик из комнаты прибежал отец и, увидев мертвого сына, в ярости ударил мать уютным. Она упала и сразу же умерла. А отец, потерявший семью, повесился... а потом ему дали шесть лет.

В комнате воцарилось молчание. Серега с легкой улыбкой оглядывал присутствующих, словно выясняя, какое впечатление на всех произвел его рассказ.

— Кому — ему? — нарушила тишину Светка.

Прежде чем ответить Сергей выдержал паузу.

— УТЮГУ! — закричал он, изменив голос и схватив Светку за ногу.

Светка вскрикнула от испуга. Да что говорить, я сам вздрогнул. В подобных страшилках никогда не ожидаешь, где подвох.

— Чушь,— сказал Ванька «крест».

— Ниче не чушь,— перебила его Наташка.— Я знаю такой случай, и он был на самом деле. А хотите другую историю? Девочку по ночам часто мучили кошмары. Ей снилось, что она слышит, как кто-то ходит по дому, тяжело ступая на пол. И звук этих шагов напоминал стук копыт.— Наташкин голос упал до шепота.— Однажды девочка семья поздно вечером села ужинать. Девочка уронила вилку на пол, наклонилась... и увидела, что у ее отца вместо ног копыта!

— И что? — спросил Андрей, улыбаясь.

— Ничего. На следующий день она умерла.

В коридоре послышались неторопливые шаги. Все замерли, словно громом пораженные. Глубокая тишина обрушилась на нас, нарушаемая лишь размеренным потрескиванием свечи. Андрей перестал улыбаться и во все глаза смотрел на дверь. Светка побледнела от ужаса и прижалась к Лехе. Шаги приближались и теперь слышались отчетливее. Кто-то тяжело ступал на пол, и звук этих шагов, как мне показалось, напоминал стук копыт.

— Ты закрыл дверь? — спросил у меня Серега.

Я отрицательно покачал головой, понимая, что совершил ошибку. Светка уже была готова расплакаться.

— Я пойду посмотрю...— сказал Леха. Никто не стал его отговаривать. Он встал с места и направился к двери.

— Шухер, ребята! — закричал он, открыв дверь.— Поганка!

Мы подпрыгнули на месте. В нашей комнате находился Ванька из деревни. Его нужно было спрятать, пока Поганка не вошла в нашу комнату.

— Светка, прячь карты,— шепотом приказал я.

Я слышал голос Поганки в коридоре, она что-то говорила Лехе. Я стащил с кровати одеяло, и мы, накрыв им Ваньку, навалились на него всем телом, чтобы не было видно, что находится под нами.

Дверь распахнулась и в комнату вошла вожатая. Мы притихли.

— Че орете? — спросила она и осмотрелась.— Спать пора уже, а вы орете сидите.

— Женька, мы больше не будем,— сказал я.

— Не «Женька», а «Евгения Владимировна» для сопливых. Понятно? Сейчас разгоню всех.

Мы попросили не разгонять нас, поскольку хотели еще поболтать. Уверив Поганку, что мы больше не будем кричать, и выпроводив ее из комнаты, мы продолжили рассказывать истории. Ванька вылез из-под одеяла, и все заняли свои места.

— Ванька, а расскажи про ваше кладбище! — попросил Андрей. — Пусть девчонки повизжат.

— Да что рассказывать? Кладбище, как кладбище. Не считая того, что по ночам там кто-то ходит, издавая звуки, похожие на волчий вой. Каждую ночь можно увидеть, как недавно захороненные покойники выходят из своих могил и, вглядываясь в темноту, ищут еду.

— Хватит, — попросила Светка. — Мне страшно.

— Ага, всем страшно, — продолжал Ванька. — Иногда они выбираются за ограду и ближе подходят к лагерю в поисках маленьких девочек. Слышали, вон в прошлой смене девчонка пропала.

— Замолчи! — прикрикнула Светка. — Я сейчас пойду к себе.

— Да ладно тебе, — засмеялся Андрей, — какие нафиг мертвецы...

— Ребята, хотите, что расскажу? — сказал я. На ум мне пришло одно старое предание, которое я слышал несколько лет назад, не помню, правда, от кого. — Вы знаете, что если в пятницу 13-го числа пойти на кладбище и ровно в 12 часов по полуночи лечь на свежую могилу, то покойник протянет свои руки и схватит тебя!

— Бред, — с долей иронии сказал Андрей. — Покойники не могут вылезать из могил. Потому что они мертвые.

— Я не шучу, это серьезно так.

— Да не верю я.

Во мне заиграло странное чувство. По какой-то причине мне захотелось доказать свою правоту во что бы то ни стало.

— Хочешь, проверим? — спросил я, ожидая отрицательного ответа.

Ребята смотрели на нас во все глаза. Свеча тихо потрескивала, пламя дрожало от легкого ветра и наших дыханий. Наши длинные черные тени танцевали на стене адский танец.

— Давай! — наконец, сказал Андрей. Глаза его горели.

Я не думал, что Андрей согласится. Но отступить я уже не мог.

Мы удивились мистическому совпадению — сегодня была пятница, 13 июля, а время приближалось к полуночи.

— Вы что, серьезно? — поинтересовался Сергей.

— Да, — сказал я. — Нужно убедить его, что это правда. Ванька, пойдешь с нами. Ты лучше всех знаешь, как идти к кладбищу.

Мы собрались быстро. Я накинул на себя синюю куртку, чтобы не замерзнуть на улице. Выходить через зал на улицу не представлялось возможным, поскольку на вахте сидела Поганка, которая не выпустила бы нас одних, тем более, ночью. Да что говорить — на прогулки мы всегда выходили с вожатыми. Поэтому мы решили спуститься вниз через балкон. Наша комната находилась на втором этаже — расстояние до земли не очень внушительное. Кроме того, если пролезть от нашего балкона по карнизам окон соседних комнат к крыше примыкающего к зданию гаража, там можно найти пожарную лестницу и спуститься вниз. Так, обычно, делал Ванька, когда пробирался к нам в комнату. Мы последовали его примеру. Я стал вылезать первым. Выйдя на балкон, я переступил через перила и, ухватившись за выступавший карниз соседнего окна, стал пробираться вперед.

Ночь стояла теплая и тихая. Где-то вдалеке чуть слышно брехала собака. Мы старались не создавать лишнего шума, чтобы не привлечь к себе постороннего внимания.

Держась руками за карниз, я поставил ноги на выступавшие из здания кирпичи и рывками пробирался к следующему окну. Следом за мной через балкон перелез Андрей. Движения у него выходили ловчее, чем у меня, отчего я немного расстроился. Когда я добрался до последнего окна, то спрыгнул на крышу гаража. Подождав ре-

бят, я стал спускаться вниз по железной лестнице, ступени которой скрипели, как кости скелета. Очутившись на земле, мы без труда вскарабкались по железным прутьям ограды, отделявшей наш лагерь от леса, и очутились на противоположной стороне, бывать за которой нам категорически запрещалось.

— Ну, веди,— сказал я Ваньке.— Ты лучше знаешь дорогу.

Перед нами лежала ночь, мертвая и тихая. Высокие ели и долговязые дубы напоминали страшных чудищ, выбравшихся из сказки. Землю густо застилал шелковый мрак. Ванька решительно пошел вперед, мы же последовали за ним. Я видел, как не спеша отдаляется здание лагеря. Из некоторых комнат, словно из лопнувшей артерии, еще лился желтый свет. Окна, похожие на гигантские глазницы, провожали нас печальным взглядом. Через некоторое время здание лагеря окончательно скрылось за деревьями, и мы очутились совершенно одни в незнакомом лесу, словно люди, выброшенные за борт и оказавшиеся посреди океана без шансов на спасение. Мне захотелось повернуть назад, в лагерь, внезапно ставший таким родным. Подобные чувства, как мне показалось, испытал и Андрей. Я увидел на его лице тень страха, набирающего обороты, однако он, не отставая, шел вперед. Круглая, как чаша, луна, спокойно наблюдала за нами, освещая нам путь слабым белым, как кость, светом. Какое-то время мы шли, ориентируясь на железную ограду нашего лагеря, которая, уходила далеко вперед и напоминала выстроившихся в ряд скелетов. Когда она закончилась, мы полностью стали принадлежать лесу, нависшему над нами, будто грозовая туча.

Вокруг стояла тишина, в которой было что-то зловещее. Лишь иногда под кронами деревьев завывал ветер. И звук его напоминал нечеловеческий голос. Голос мертвых, слившихся в жутком хоре. Низкорослые кустарники, беспорядочно выросшие повсюду, напоминали притаившихся горбатых созданий.

В ледяном свете луны я видел, что лицо Андрея побледнело, губы слабо дрожали, а в глазах медленно возрастал всепоглощающий страх. Я уверен, что он уже не рад был этой затее с кладбищем, но остановиться на полпути никак не мог, поскольку боялся, что мы посчитаем его трусом.

Да у меня самого безумно колотилось сердце, а низ живота словно сковало стальными оковами. Только Ванька молча и решительно шел вперед. Спустия много лет я думал, было ли ему страшно, как и нам? Иногда я натякался на мысль, что эта ночная прогулка страха у него не вызывала, поскольку он был местным и знал этот район, как свои пять пальцев. Однако иногда ко мне приходила мысль, убеждавшая меня в обратном. Не скрою, я склонялся в ее сторону. Хоть он и был местным, и я не сомневаюсь, что этот лес он не раз оббегал вдоль и поперек с мальчишками, но все-таки он был ребенком. Если уж у взрослых людей темнота вызывает необъяснимое чувство страха, что говорить о ребенке. Естественно, ему было страшно.

Как и мне.

Как и нам всем.

Ведь ночь никогда не приходит одна. Помимо темноты, с ней приходит и страх.

Именно с ее наступлением все надуманные детские страшилки приобретали смысл. Порой такой, что волосы на голове вставали дыбом.

Я попытался нарушить набухшую, как вена, тишину, становившуюся невыносимой, поэтому спросил у Ваньки:

— Далеко нам еще идти?

— Скоро будем,— коротко ответил он и снова погрузился в свои мысли.

Проходя мимо разбухшего трупа кошки, я вспомнил историю о Страшиле-Матрошиле, которое жило в лесном овраге и, по рассказам, питалось людским мясом. Оно было громадных размеров с длинной густой бородой и огромными горящими глазами. «Голова что копна, выше леса поднимается, борода на версту тянется»,—

так описывали его в страшилке. Оно просыпалось, как только в лесу появлялся кто-то посторонний.

Что если оно уже проснулось? И двигается к нам, ступая по земле своими огромными ногами, поросшими мхом? Руки вытянуты в стороны, глаза горят красным светом, в бороде запутались трава, сухие ветки и кусочки человеческого мяса, а рот, словно черная пропасть, широко открыт. Перед моими глазами четко встала эта картина, от чего по спине побежали мурашки. Кроме того, на ум мне пришла легенда о том, что в пятницу 13 числа вся нечисть вылезает из своих убежищ на землю и рыскает по округе в поисках еды. При свете дня эта легенда казалась глупостью, но в ночной темноте, похожей на густую смолу, она была актуальна.

Я почувствовал, что начинаю терять контроль над собой. Внутри вспыхнуло ледяное чувство страха, слюна словно наэлектризовалась, а колени затряслись, как от удара током, отчего ноги переставали слушаться меня. Я пытался взять себя в руки, но никак не мог совладать с собой. Навязчивые мысли о Страшиле-Матрошиле засели в моей голове, как ржавый гвоздь.

А когда где-то вдалеке закричала сова (ее глухое «ууу» эхом разлетелось по лесу), в нескольких метрах от нас зашевелились кусты, а сзади послышался треск веток, я не смог удержать паники.

«Это Страшило-Матрошило,— убедил меня внутренний голос.— Оно уже тут и видит, как ты трясешься от страха».

Я закричал не своим голосом и побежал вперед, размахивая руками. Ребята остановились и в недоумении смотрели мне вслед.

— СТРАШИЛО-МАТРОШИЛО! — крикнул я. Краем глаза я заметил, как после этих слов они тоже кинулись бежать.

Однако долго бежать не пришлось. Через несколько метров деревья поредели, а потом и вовсе закончились. Я остановился. Передо мной на пригорке возвышалось кладбище — пристанище людей, уснувших вечным сном. Для меня кладбище всегда было местом страха и ужаса, несмотря на то, что в этом месте постоянно царит покой и кажется, будто время остановилось. Скажу честно, мне никогда не приходилось бывать здесь ночью. В ночной мгле оно выглядело еще устрашающе, чем при свете дня. Вырисовывавшиеся в темноте надгробные камни напоминали зубы гиганта, покосившиеся кресты наводили печаль, а холмики на могилах, словно взбухшие вены, приводили в дрожь. Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что сейчас мне придется зайти во внутрь. Ребята догнали меня и остановились рядом. Бег немного прояснил наши головы.

— Я домой пойду,— сказал Ванька, нарушив тишину. И добавил, чтобы мы не подумали, что он струсил,— Я привел вас, как и просили. Меня родители ждут, ругаться будут.

И, по-взрослому пожав нам руки, с чувством выполненного долга он побрел домой.

Маленький человечек посреди безлюдной ночи.

Мы стояли и смотрели ему вслед, пытаясь отдалить ожидающий нас момент. Когда Ванька растворился в темноте, я спросил Андрея:

— Ну что, пойдём? — мой голос заметно дрожал.

Я увидел, как Андрей сглотнул слюну. Его лицо было бледным, губы тряслись, но он попытался сложить их в некое подобие улыбки, чтобы не выдать себя. Получилось не очень.

— После тебя,— сказал он, уступая мне дорогу.

Я не знаю, что двигало Андреем в этот момент. Либо желание доказать мне, что моя история неправда, хотя я и так это знал. Либо боязнь, что я могу посчитать его трусом, если он попросит вернуться в лагерь. Хотя в данный момент я сам был бы

рад вернуться назад, только бы унести свои ноги подальше от этого места. Какой черт меня дернул предложить ему этот дурацкий спор?

Я обернулся назад, на лес. Мрачные деревья сливались с непроглядной тьмой. Там, в лесу меня ждало Страшило-Матрошило.

«Ну, уж нет. Назад я не пойду. По крайней мере, не этой дорогой», — подумал я и стал подниматься по тропинке на пригорок, медленно приближаясь к кладбищу.

Андрей, не отставая, шел за мной, тяжело дыша от бега. Покосившаяся ограда, оцепляющая кладбище, напоминала трупы людей, карабкавшихся вверх. Я с трудом смог перебороть себя и зайти в калитку. Меня трясло, как при лихорадке. Сердце, бешено колотившееся в груди, затрепыхало еще сильнее. Внутри росло непонятное предчувствие, от которого захватывало дыхание.

Когда Андрей поравнялся со мной, мы вместе пошли вперед по протоптанной тропинке мимо беспорядочно разбросанных могил, в которых покоились когда-то жившие люди. Немые могильные плиты напоминали направленные вверх стрелы. Вокруг царили тишина и покой, а воздух был пропитан одурманивающим запахом земли и смерти. Тропа петляла между могилами, и нам приходилось постоянно сворачивать, все дальше заходя вглубь кладбища и удаляясь от входа.

Наконец, мы нашли подходящую могилу под огромным деревом, выбросившим на землю свои мощные корни, похожие на пальцы трупа. У надгробного камня лежал букет из тюльпанов, а на земле еще не успела вырасти трава — это говорило о том, что могила свежая. На плите был изображен портрет мужчины с аккуратными усами и волосами, зачесанными назад. В темноте я не смог разобрать его имени, да это в принципе было и не важно.

— Вот тут, — указал я Андрею на могилу.

Он повернулся ко мне. В глазах стояла нерешительность.

— Сколько времени? — спросил он.

— Уже можно, — ответил я, почему-то посмотрев на луну, светившую скупым, холодным светом. Я не знал, сколько сейчас времени. Мне это было и не нужно. Единственное мое явственное желание замыкалось на намерении побыстрее уйти с кладбища.

Я снял свою куртку и отдал ему, поскольку ему предстояло лечь на холодную сырую землю, а он был в одной рубашке. Он продел руки в рукава и стал опускаться на землю, набрав в легкие побольше воздуха, словно ему предстояло погружение на дно океана.

Присев на корточки, Андрей осторожно прилег на могилу головой к надгробному камню. Я видел, как трясутся его руки, сомкнувшиеся на груди, слышал, как воздух со свистом выходит из его носа. Он смотрел вверх, на черное, как бездна, небо, а глаза мужчины на плите, как мне показалось, были направлены на него. Его губы словно растянулись в чудовищной улыбке.

— Ну что?! — спросил Андрей, с нетерпением ожидая момента, когда можно будет встать. Его голос был глухим и хриплым.

— Вставай, — сказал я.

Андрей стал подниматься с земли. Я уже предполагал, что сейчас он станет говорить мне, что он оказался прав, и что все страшилки — просто выдумки, в которые верят такие идиоты, как я. Хотя я и так прекрасно знал, что это неправда, точно так же, как знал, что на этом свете не существует деда Мороза. Однако какой-то нездоровый азарт заставил меня провести этот спор. Я ждал, когда Андрей радостно закричит, что я проиграл. Его губы уже сложились в напряженную улыбку, и он начал что-то говорить, но остановился. Слова будто застряли в его глотке. Облокотившись локтями о землю, Андрей попытался поднять корпус своего тела.

Но не смог. Его что-то держало.

Под ЗЕМЛЕЙ.

Его куртку что-то схватило, да с такой силой, что он никак не мог подняться.

Из его груди вырвался возглас удивления. В хрустальном свете луны я увидел, что Андреево лицо стало мертвенно-бледным, глаза вылезли из орбит и готовы были лопнуть. Их заполнил жуткий, всепоглощающий ужас. У него перехватило дыхание, отчего он никак не мог произнести ни слова. Он снова попытался подняться, и снова ему это не удалось. Его явно что-то держало.

Неужели, моя страшилка оказалась правдой? Теперь я не сомневался в этом.

Теперь в этом не сомневался и Андрей.

Он, как обезумевший, извивался на могиле, не в силах подняться, а мужчина на могильной плите, как мне показалось, улыбался еще пуще прежнего. Я сам потерял дар речи и в оцепенении смотрел невидящими глазами на Андрея. Меня словно огрели мешком картошки по голове. Страх скрежетал у меня в груди и своими когтистыми лапами хватал за горло.

Представив, как покойник, державший Андрея, станет выбираться из своей могилы, скованными смертью руками хватаясь за землю и озираясь по сторонам в поисках добычи, мои нервы не выдержали.

Я побежал. Только я побежал не на помощь Андрею, а в противоположную сторону, к выходу, бросив Андрея на могиле. Я никак не мог совладать с собой. Инстинкт самосохранения играл свою роль. В голову мне ударила кровь, сердце заколотилось с бешеной силой. У меня было такое чувство, словно меня окатили ледяной водой. Глаза мои застилала слезы, так что я плохо видел дорогу. Однако я продолжал бежать, перепрыгивая через холмики могил, а иногда и наступая на сами могилы. Мне казалось, что кладбищу не будет конца. Из моей груди вырывались хриплые рыдания, я боялся заблудиться в этом месте. Меня уже не радовала перспектива возвращения в лагерь, мне хотелось одного — поскорее убраться отсюда. А луна, похожая на жемчуг, безмолвно ухмылялась на небе. Споткнувшись, я повалился на могилу, ударившись головой о надгробный камень. Запах могильной земли ударил мне в нос. Быстро вскочив на ноги, я понесся вперед. Обе коленки были содраны, по шее потекла теплая кровь.

Наконец, я добежал до ворот. Спустившись с пригорка, я нырнул в лес. Я практически не видел, куда бегу. Ноги несли меня вперед, и я только успевал огибать деревья, в глубокой темноте похожие на громадных чудищ. Через некоторое время мои ноги стали ватными, а грудная клетка сжалась, как мокрый полиэтиленовый пакет. Я остановился передохнуть. Первым делом я обернулся назад посмотреть, нет ли за мной погони.

Никого.

Тяжело дыша, я прыгнул в ближайшие кусты и облокотился спиной о дерево. Воздух со свистом выходил у меня изо рта. Меня не перестало трясти от страха. В голове пронеслись сотни мыслей, а в ушах стоял звон. Портрет мужчины на могильной плите и лицо Андрея, искаженное от ужаса, не переставая, вставали перед моими глазами. Коленки зудели от боли, голова раскалывалась, как от удара молотком. Кровотечение остановилось, а ушибленное место вспухло, как труп кошки, который я видел по дороге не кладбище. Я все время думал об Андрее и ждал, что он появится через некоторое время. Однако он не появлялся.

Я не знаю, сколько времени я просидел в этих кустах (помню, что мне мешали выйти оттуда мысли о покойнике, схватившем Андрея, и Страшиле-Матрошиле), однако, когда я выбрался из кустов, уже светало. Молочный утренний свет разлился по лесу, рассеивая скопившуюся мглу у корней деревьев и выросшие за ночь страхи. Я побрел к лагерю.

Забравшись тем же путем к себе в комнату, я решил обо всем рассказать жожа-

тым. Ребята мирно спали, не тревожась мыслями о смерти. Узнав о том, что мы выбирались из лагеря ночью, Поганка треснула мне по лбу сочным шелбаном.

О судьбе Андрея я узнал поздно утром. Вожатые нашли его на кладбище, на той же могиле, где я его и оставил. Он был мертв. Было установлено, что он умер от разрыва сердца. Когда его поднимали с земли, его куртка зацепилась за выступавший из-под земли корень рядом находившегося дерева...

И мне сразу все стало ясно. Когда ночью Андрей пытался подняться с могилы, он зацепился курткой о корень дерева, но шок, навеянный рассказанными страшилками, и кладбищенская атмосфера дали о себе знать. Его сердце не выдержало. Оно и так у него было слабым, не зря же он состоял в отряде детей с сердечными заболеваниями.

Я долго винил в произошедшем только себя. Ведь я рассказал эту страшилку, я затеял этот спор. И лишь через много лет до меня дошел смысл произошедшего. Я понял, что если человеку суждено умереть в определенный день, то неважно каким образом это произойдет. Значит, Андрею суждено было умереть именно в пятницу 13 числа в 00 часов 00 минут. Удивительно, но в момент рассказа страшилки я озвучивал это время. Даже день совпал и час. Наверное, это и называется судьбой.

С тех пор в лагерях я больше не отдыхал. Да и страшилок пытался избегать. Уж очень сильное впечатление они на меня производили. Когда я вырос, я решил съездить в «Синюю птицу». Лагерь еще работал, детей не убавилось. Стены родного лагеря рождали воспоминания, и мне захотелось вернуться на двадцать лет назад. Внезапно у меня возникла идея посетить местное кладбище. Я пошел туда. В солнечный полдень оно не вызывало страха. Лишь грустные воспоминания вставали перед глазами. С момента моего последнего посещения кладбище заметно расширилось. С противоположной стороны оно спускалось с пригорка и уходило вдаль. Беспорядочно выросшие могилы напоминали притаившихся зверей. Могилу, на которой умер Андрей, отыскать мне не удалось. Дерево, за корень которого зацепилась Андреева куртка, вероятно, уже срубили, чтобы освободить место для нового постояльца этого места. А по памяти воссоздать дорогу к этой могиле я не смог. «Ну, и Бог с ней»,— подумал я, но улыбающееся лицо мужчины на могильной плите все время вставало перед глазами. Даже спустя столько времени.

